

Ислам и пути государственного развития Пакистана

ПЕТР ТОПЫЧКАНОВ

РЕЗЮМЕ

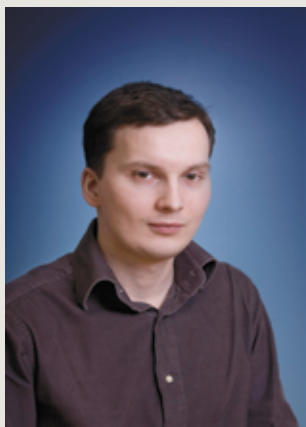
- Проблема национальной идентичности в Пакистане остается крайне острой до настоящего времени, поскольку не получил однозначного решения вопрос о том, сколько наций представлены в стране — одна или больше.
- Конституционный процесс, сопровождающийся обострениями межконфессиональных отношений, свидетельствует о серьезных идеологических разногласиях в обществе по поводу роли религии в общественно-политической жизни.
- Исламизация Пакистана путем придания традиционным мусульманским нормам законной силы не была завершена, но вследствие того, что многие нововведения в рамках этого процесса были юридически оформлены, традиционные мусульманские нормы стали неотъемлемой частью политико-правовой системы страны.
- История Пакистана демонстрирует неэффективность обычных политологических мерок, с которыми часто подходят к стране, прежде всего понятий авторитаризма и демократии, исламизма и секуляризма.
- Решения проблем Пакистана должны основываться на комплексных подходах, исключающих опыты с исламом — одной из основ пакистанской государственности — и акцентирующих внимание на административных, социально-экономических вопросах и проблемах безопасности.

Пакистан — это, по словам первого премьер-министра страны Лиаката Алихана, «сердце Азии»¹. Действительно, Пакистан, расположенный на стыке Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии, на протяжении всей своей истории доказывал справедливость этих слов. Сегодня, когда ситуация в соседнем Афганистане характеризуется как крайне сложная, многие смотрят на Пакистан в поисках решения афганских проблем. К ним относится и министр обороны США Роберт Гейтс, неодно-

кратно говоривший, что решение этих проблем невозможно без решения проблем Пакистана².

Можно перечислить ряд пакистанских проблем, привлекающих внимание аналитиков:

- политические проблемы (нестабильность и недостаточная эффективность демократических институтов, закрытый характер пакистанской элиты, препятствующий достижению консенсуса в рамках всего общества, избыточное влияние на политические процессы

Петр Владимирович Топычканов — младший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ, координатор программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги.

силовых ведомств, слабый контроль государства над зоной племен на границе с Афганистаном и Ираном);

- проблемы безопасности — международной (безопасность ядерного оружия, технологий и материалов, базирование на территории страны групп международных террористов), региональной (нерешенная проблема статуса Кашмира, спор с Индией о разделе водных ресурсов Инда, нерешенный вопрос об афгано-пакистанской границе, активность региональных экстремистских и террористических группировок на территории Пакистана и Кашмира), внутригосударственной (антиправительственная активность террористических и экстремистских группировок, конфликты между религиозными группировками суннитов и шиитов, сепаратистские настроения, на нынешнем этапе не очень популярные, среди белуджей и пуштунов).

Кроме того, в Пакистане существуют острые проблемы социально-экономического характера.

Очевидно, что в интересах решения задач стабилизации Афганистана, как и обеспечения международной и региональной безопасности в целом, необходимо, чтобы Пакистан был единым и стабильным государством с эффективными органами управления, чтобы террористические и экстремистские организации не имели возможности влиять на умы пакистанцев и вести свою деятельность как на территории страны, так и за ее пределами. Что касается этих организаций, то во многих работах их идеологические установки рассматриваются как искажение ислама³, что является завуалированным признанием связи между приоритетом этой религии в общественно-политической жизни стра-

ны и распространенностью терроризма и экстремизма. На основе таких представлений порой вырабатываются рекомендации снизить значение исламского фактора в жизни страны, например, в системе образования, которая якобы и воспитывает экстремистов. Обращение к истории Пакистана позволяет увидеть односторонность таких представлений, а значит, и спорность подобных рекомендаций.

Одна нация или две?

Пакистан появился на карте мира в 1947 г. как результат борьбы партии «Мусульманская лига» за государство мусульман. Идеология этой партии основывалась на теории двух наций, существовавших в Индии: индусской и мусульманской. Однако после образования Пакистана его лидер Мухаммад Али Джинна попытался заменить данную теорию на теорию одной нации — пакистанской, о чем свидетельствуют его слова: «Индусы должны перестать быть индусами и мусульмане — мусульманами, конечно, не в религиозном смысле, поскольку это вопрос веры каждого индивидуума, а в политическом, ибо мы все — граждане одного государства»⁴.

После смерти М. А. Джинны в 1948 г. центральное место в политической жизни Пакистана занял премьер-министр Лиакат Али-хан. 7 марта 1949 г. он внес «Резолюцию о целях» конституционного устройства на рассмотрение Учредительного собрания, которое должно было принять Конституцию страны. В резолюции утверждалось, что в Пакистане «должны полностью соблюдаться принципы демократии, свободы, равенства, терпимости и социальной справедливости, как это предусмотрено исламом, должно быть адекватно обе-

спечено право меньшинств свободно исповедовать свою религию и развивать свою культуру, должна быть адекватно обеспечена защита законных интересов меньшинств и отсталых и угнетенных классов»⁵. Обращает на себя внимание тот факт, что необходимость соблюдения перечисленных принципов обосновывается требованиями ислама. Лиакат Али-хан не видел противоречия между приоритетом ислама и основными принципами демократии, о чем он заявил 31 мая 1950 г.: «Мы заверяем в своей верности принципам демократии, свободы, равенства, терпимости и социальной справедливости согласно исламу. Это не означает теократию. Ислам не подразумевает веру в лидирующую роль духовенства... Нет, наша концепция демократии даже более комплексна, чем та, что основана на всеобщем избирательном праве и власти большинства. Все это мы называем исламским образом жизни, которому следуем потому, что как мусульмане не можем следовать никакой другой идеологии»⁶.

Однако в общественно-политической практике приоритет ислама может вести к ограничению основных прав и свобод граждан, не исповедующих эту религию. Такую позицию занимал, например, Абул Ала Маудуди, лидер партии «Джамаат-е-Ислами» («Исламское общество»), считавший, что ограничения, накладываемые на общественно-политическую деятельность немусульман, обуславливаются интересами внутреннего мира и безопасности религиозных меньшинств⁷. С его точки зрения, немусульмане не должны играть лидирующую роль в Пакистане, в частности, их не следует допускать на руководящие посты. В этой идеологии очевидно разделение граждан на две категории.

Предпосылки для раздела пакистанского общества на мусульман и немусульман — группы с разными статусами — увидели в резолюции Лиаката Али-хана не только сторонники А. А. Маудуди, но и члены религиозных меньшинств, представители которых занимали в Учредительном собрании почти 20% мест (это были индусы, парсы и христиане). Один из них, Джагендра Натх Мандал, первый министр юстиции и труда Пакистана, был глубоко разочарован происламским характером резолюции. Он подал премьер-министру прошение об отставке, в котором, в частности, утверждалось: «Лидеры “Мусуль-

История Пакистана свидетельствует, что приоритет ислама может сочетаться и с демократическим, и с авторитарным режимами, а идеологически он проявляется как в умеренных, так и в радикальных взглядах, как, очевидно, и любая другая религия.

манской лиги” постоянно заявляют, что Пакистан есть и будет исламским государством. Ислам предлагается как панацея от всех бед на земле... В таком контексте мусульмане, являющиеся сторонниками шариата, — единственные правители Пакистана, тогда как индусы и другие меньшинства — это зиммии (иноверцы, живущие в мусульманском государстве. — *П. Т.*), имеющие право на защиту за определенную цену»⁸. Бхупендра Кумар Датта, другой член Учредительного собрания, представлявший индусское меньшинство, в 1952 г. обратил внимание на несовместимость концепции исламского государства с институтом парламентской демократии⁹.

Критика концепции исламского государства представителями религиозных меньшинств выявляет два вопроса, связанных с этой концепцией: о совме-

стимости представления об исламском государстве с принципами демократии и о возможном разделении общества

Можно считать закономерным совпадение обострений проблем религиозных меньшинств с прохождением Пакистана через этапы конституционного развития.

на группы мусульман и немусульман вследствие претворения этой концепции в жизнь. Основной ячейкой такого общества становится община, подобная миллетам в Османской империи, имевшим широкую религиозную автономию и частичную автономию в правовой и экономической сферах. При этом статус немусульманских общин может быть ниже статуса общин мусульманских. Здесь выявляется проблема идентичности граждан пакистанского государства: кто они — сначала пакистанцы, а потом мусульмане, христиане, индусы и т. д., или наоборот?

В поисках основ национальной идентичности в Пакистане религиозному фактору отводилась главная роль. Ответом партии «Мусульманская лига» на вопрос об идентичности стал лозунг «Одна религия — одна нация — одно государство — один язык», выдвинутый в начале 1950-х годов. Основами пакистанской нации были признаны ислам и язык урду (помимо этих компонентов в идеологии государства были еще два: Кашмир как неотъемлемая часть Пакистана и вооруженные силы как гарант целостности и развития страны)¹⁰. Лозунг «Мусульманской лиги» стал отступлением от принципов М. А. Джинны.

Выбор языка урду в качестве одной из основ нации не был поддержан представителями индусского меньшинства. Они были недовольны тем, что языку бенга-

ли не был предоставлен статус государственного наравне с урду. Еще в феврале 1948 г. Дхирендра Натх Датта, член Учредительного собрания от Восточной Бенгалии, выступил с предложением признать бенгали государственным языком, поскольку на нем говорит большинство населения страны (64%). Это предложение, поддержанное в Учредительном собрании только индусами, было расценено лидерами страны как проявление нелояльности государству и попытка расколоть единство мусульман страны, т. е. пакистанской нации, предпринятая индусами, которые «телом с Пакистаном, но душой с Индией»¹¹.

Конституции Пакистана

Как показало движение за расширение прав Восточной Бенгалии, переросшее в движение за образование государства Бангладеш, обострение лингвистической проблемы действительно способствовало росту конфликтности и центробежным процессам в Пакистане. Однако эти процессы развивались не только под влиянием тех групп, чьи особенности не соответствовали образу исламской и урдуязычной нации, но и тех, которые позиционировали себя в качестве представителей такой нации. О деструктивной роли последних свидетельствуют антиахмадийские волнения в Лахоре, столице провинции Панджаб. В начале 1953 г. в связи с обсуждением проекта конституции члены «Джамаат-е-Ислами» и «Маджлис-е-ахрар» («Общество ахраров») выдвинули требования официально признать последователей общины ахмадия (религиозного течения, зародившегося в мусульманской общине в XIX в.¹²) религиозным меньшинством, а ее членов снять с государственных постов. Антиахмадийские волнения были

инструментом мобилизации политической поддержки, использованным лидерами «Джамаат-е-Ислами» и «Маджлисе-е-ахрар». В результате волнений, по оценке Морриса Джеймса, заместителя верховного комиссара Великобритании в Пакистане в 1952—1953 и 1955—1956 гг., погибло около 300 человек¹³. В ответ на волнения власти впервые в истории страны ввели военное положение, ограниченное городской чертой Лахора. После смены провинциального правительства было проведено юридическое расследование. Один из его выводов гласил: «Ахрары использовали антиахмадийские настроения как инструмент политики, что является убедительным свидетельством активности их как политической силы»¹⁴.

Для периода с конца 1940-х до первой половины 1960-х годов характерен высокий уровень межобщинного насилия на востоке Индостана — в индийских штатах Ассам, Бихар, Западная Бенгалия и Уттар-Прадеш, а также в пакистанской Восточной Бенгалии (в 1954 г. она была переименована в Восточный Пакистан). Спровоцированные насилием потоки мигрантов из одной страны способствовали эскалации межобщинного насилия в другой. Так, всплеск антииндусских погромов в феврале 1950 г. произошел после того, как в Дакку прибыли мигранты, покинувшие Западную Бенгалию во время антимусульманских погромов. Второй пик межобщинной эскалации в Восточном Пакистане пришелся на 1962—1963 гг. Он был спровоцирован слухами о пропаже волоса пророка Мухаммада из молельни «Хазрат бал» (букв. «Священное место») в городе Сринагаре (индийский штат Джамму и Кашмир). Антииндусские беспорядки в восточно-пакистанском городе Кхулна

спровоцировали антимусульманские погромы по всей Западной Бенгалии, после которых межобщинное насилие захлестнуло Дакку, столицу Восточного Пакистана. В середине января 1964 г. в Дакке был введен комендантский час.

Можно считать закономерным совпадение обострений проблем религиозных меньшинств с прохождением Пакистана через этапы конституционного развития. Так, антиахмадийские беспорядки предшествовали принятию первой Конституции Пакистана в 1956 г., а антииндусские волнения происходили на фоне восстановления гражданского правления после военного положения 1958—1962 гг. и введения второй Конституции в 1962 г.

В январе 1956 г. Учредительное собрание Пакистана 65% голосов утвердило проект Конституции. Она вступила в силу 23 марта того же года. Основной закон стал результатом победы сторонников концепции исламского государства над секуляристами¹⁵. Об этом свидетельствует тот факт, что преамбулой к Конституции — как к этой, так и к принятым в 1962 и 1973 гг. — стала «Резолюция о целях» 1949 г. Сохранение одной преамбулы в трех конституциях позволяет предположить, что официальная концепция исламского государства оставалась на протяжении всей истории Пакистана практически неизменной. Согласно этой концепции приоритет ислама в общественно-политической жизни государства совмещается с признанием прав религиозных меньшинств свободно исповедовать религию, развивать культуру, а также с признанием необходимости адекватно защищать их законные интересы. Косвенным ограничением прав религиозных меньшинств можно считать ст. 32, согласно которой

гражданин Пакистана может выставить свою кандидатуру на президентских выборах только в том случае, если он мусульманин.

Политика «Джамаат-е-Ислами» и «Маджлис-е-ахрар», принявшая в отношении общины ахмадия насильственный характер, стала одним из факторов, способствовавших дестабилизации политической ситуации в Пакистане в целом. Поэтому в 1958 г. после военного переворота, осуществленного генералом Мухаммадом Айюб-ханом, главнокомандующим вооруженными силами Пакистана, партия «Джамаат-е-Ислами» была запрещена. В марте 1962 г. Мухаммад Айюб-хан выступил с манифестом, в первом параграфе которого провозглашалось: «Пакистан — идеологическое государство, основанное на принципах ислама; вместе с тем права религиозных меньшинств гарантированы»¹⁶. Манифест лег в основу Конституции 1962 г., по которой государство не было первоначально признано исламским. Однако в 1963 г. была принята Первая поправка к Основному закону, согласно которой Пакистан снова стал исламской республикой¹⁷. Пост президента остался доступным только для представителей мусульманской общины¹⁸.

Сопоставляя роль фактора религиозных меньшинств в середине 1950-х и в начале 1960-х годов, можно увидеть, что в первом случае антиахмадийские беспорядки были вписаны в процесс построения исламской политической системы, в то время как во втором случае антииндусские беспорядки являлись частью комплекса проблем, связанных с отношениями между западной и восточной частями Пакистана. Это во многом объясняет тот факт, что после поражения

Пакистана в индийско-пакистанском вооруженном конфликте 1971 г., приведшим к отделению от него восточной части, на месте которой появилось новое государство — Бангладеш, антииндусские беспорядки стали редкостью в общественно-политической жизни Пакистана¹⁹. Что касается общины ахмадия, то после 1971 г. вокруг нее произошел рост конфликтности. Это свидетельствует о попытках пакистанских элит выйти из кризиса национальной идентичности, вызванного победой бенгальского национализма.

Во время нахождения у власти Зулфикара Али-хана Бхутто, бывшего президентом Пакистана в 1971—1973 гг. и премьер-министром в 1973—1977 гг., была проведена очередная конституционная реформа. Ее фоном были дискуссии о месте ислама в пакистанской государственности. Сам З. А. Бхутто подчеркнул в 1972 г., что «и в настоящее время, и в будущем исламская идеология будет служить основным цементирующим фактором национального единства страны»²⁰. 14 августа 1973 г. была принята третья Конституция, в которой государство было провозглашено исламской республикой. Участие представителей религиозных меньшинств в политической жизни было ограничено запретом немусульманам занимать посты президента и премьер-министра. Это свидетельствует о более исламистском характере конституции 1973 г. по сравнению с предыдущими.

Принятие новой Конституции обострило отношения между З. А. Бхутто и возглавляемой им Пакистанской народной партией, с одной стороны, и правой оппозицией во главе с «Джамаат-е-Ислами» — с другой. Исламистские партии не поддержали его по несколь-

ким причинам, в частности, из-за его принадлежности к шиитам, а также из-за его концепции исламского социализма, воспринимавшейся как угроза исламу. Правая оппозиция настаивала на придании Основному закону еще более исламского характера путем приведения всех правовых актов в соответствие с Кораном и сунной и учреждения религиозно-куриальной системы выборов. Противоречия Пакистанской народной партии и «Джамаат-е-Ислами» вылились в новые антиахмадийские беспорядки в Панджабе, в результате которых погибли 42 человека. Компромиссом между двумя партиями стало принятие Второй поправки к конституции, вступившей в силу 21 сентября 1974 г. Она отнесла членов общины ахмадия к религиозным меньшинствам и, таким образом, отказала им в праве считаться мусульманами.

Незавершенная «шариатизация»

По мнению пакистановеда Лоуренса Зиринга, время нахождения у власти З. А. Бхутто стало началом трансформации исламской республики в исламское государство, сопровождавшейся консолидацией и централизацией власти²¹. Основные изменения в рамках этого процесса произошли после военного переворота 1977 г., в результате которого к власти пришел генерал Мухаммад Зия-ул-Хак, начальник штаба сухопутных войск. С конца 1970-х годов в Пакистане был введен ряд норм, которые провели глубокое разделение между мусульманским большинством и религиозными меньшинствами. Эти правовые акты во многом были уступкой требованиям исламских партий об ограничении прав меньшинств и «шариатизации»²².

Необходимо оговориться: в дискуссиях 1970—1980-х годов речь шла о «шариатизации» как введении исламских правовых принципов²³, тогда как в рамках этого процесса меры властей скорее были направлены на исламизацию пакистанского общества через распространение исламского образа жизни на всех граждан — мусульман как членов уммы и немусульман как граждан исламского государства, которые не должны оскорблять религиозные чувства большинства²⁴. То есть речь шла не о реформе права, а об

В дискуссиях 1970—1980-х годов речь шла о «шариатизации» как введении исламских правовых принципов, тогда как в рамках этого процесса меры властей скорее были направлены на исламизацию пакистанского общества через распространение исламского образа жизни.

изменении общественной нравственности. Именно об этом сказал М. Зия-ул-Хак в интервью в 1979 г.: «Я думаю, задачей первостепенной важности является восстановление нравственности. Эта задача должна решаться на основе ислама, поскольку на основе ислама был создан Пакистан»²⁵. Согласно этой логике пути решения пакистанских проблем определялись исламским характером национальной идентичности.

Среди принятых при М. Зия-ул-Хаке норм выделяются введение религиозно-куриальной системы выборов в 1977 г., создание Федерального шариатского суда в 1980 г., а также ряд изменений в Уголовном кодексе (УК): Закон против богохульства, закон, запрещающий оскорбление Корана, закон, запрещающий оскорбление жен, семьи и соратников пророка Мухаммада и два закона, касающихся общины ахмадия. Так, согласно ст. 298(В) УК членам этой

общины грозили тюремное заключение на срок до трех лет и штраф за использование традиционных эпитетов жен, членов семьи и соратников пророка Мухаммада по отношению к другим лицам, за обозначение молелен словом «мечеть», а молитв — словом «азан». Согласно ст. 298(С) членам общины ахмадия было запрещено называться свою веру исламом, а себя — мусульманами. Эти законы, принятые 26 апреля 1984 г., стали поводом для ограничения свободы вероисповедания членов общины ахмадия путем уничтожения публикаций, запретов на строительство молелен и в целом на проявления своей принадлежности к исламской общине. За нарушение других перечисленных выше законов предполагались наказания вплоть до пожизненного заключения за пачкание, порчу и осквернение Корана (ст. 295(В), включенная в УК в 1982 г.) и вплоть до пожизненного заключения или смертной казни за оскорбление пророка Мухаммада (поправка 1986 г. к ст. 295(С) УК).

При политико-правовой трансформации Пакистана уделялось мало внимания влиянию этого процесса на положение религиозных меньшинств, поскольку считалось, что в истинно исламском государстве для немусульман созданы все условия безопасного существования.

Завершением процесса превращения Пакистана в исламское государство должен был стать Указ о претворении в жизнь законов шариата, изданный М. Зия-ул-Хаком в июне 1988 г. Согласно этому документу суды наделялись правом пересматривать правовые акты, не соответствующие, по их мнению, нормам ислама. Гибель М. Зия-ул-Хака в авиакатастрофе 17 августа 1988 г. по-

мешала завершить исламизацию государства (после его смерти указ не был утвержден Национальной ассамблеей).

При политико-правовой трансформации Пакистана уделялось мало внимания влиянию этого процесса на положение религиозных меньшинств, поскольку считалось, что в истинно исламском государстве для немусульман созданы все условия безопасного существования. Об этом М. Зия-ул-Хак заявил 12 августа 1983 г.: «В исламе меньшинства не рассматриваются как угнетенные классы, наоборот, они находятся в наиболее привилегированном положении. На самом деле в мусульманском обществе у них больше прав, чем у мусульман. В исламской политической системе их права полностью защищены»²⁶. В действительности приоритет ислама, как уже отмечалось, ограничил права меньшинств и способствовал росту конфликтности вокруг них. Соотношение религиозных общин, на членов которых были заведены уголовные дела по названным выше статьям УК в период с января по октябрь 2000 г., показывает, что представители религиозных меньшинств, прежде всего члены общины ахмадия и христиане, стали частыми фигурантами таких дел: из 38 подобных дел на мусульман было заведено 18, на членов общины ахмадия — 15 и на христиан — 5²⁷. При этом, несмотря на вынесение в нескольких случаях смертных приговоров по ст. 295(С) УК, они не приводились в исполнение. Зато нередким явлением стали самосуды над людьми, обвиненными в богохульстве, оскорблении Корана и т. д. Всего с 1988 по 2005 гг. было убито более 20 человек включая судью Арифа Ибакла Бхатти, оправдавшего в 1997 г. двух христиан, обвиненных в богохульстве. Некоторые представители

судебной власти оправдывают «народное правосудие». Например, судья Высокого суда Лахора Миян Назир Ахтар неоднократно заявлял в 1999—2000 гг., что, столкнувшись с фактом богохульства, мусульманин может действовать либо в соответствии с законом, либо на основании традиционных предписаний, не прибегая к судебным процедурам²⁸.

Кроме того, «шариатизация» спровоцировала разногласия не только между религиозными общинами, но и между представителями разных направлений в мусульманской общине. Именно ко времени правления М. Зия-ул-Хака относится обострение отношений между суннитами и шиитами, поскольку последние не поддержали суннитскую по своему характеру «шариатизацию», а первые увидели в такой позиции вызов исламу и пакистанской нации. О масштабах этой конфронтации свидетельствуют следующие цифры: за 1990—1997 гг. в результате столкновений и нападений суннитов и шиитов погиб 581 человек, ранено 1600²⁹.

Разные лики «исламской демократии»

Десятилетний «демократический просвет»³⁰ между военными режимами Мухаммада Зия-ул-Хака и Первеза Мушаррафа не означал пересмотра религиозной политики первого из этих режимов. Религиозно-куриальная система выборов просуществовала до 2002 г., когда ее отменил генерал П. Мушарраф, президент в 2001—2008 гг. Более того, в условиях парламентской демократии 1988—1999 гг. были предприняты две попытки завершить процесс превращения Пакистана в исламское государство, причем обе — во время нахождения Наваза Шарифа на пос-

ту премьер-министра (1990—1993 и 1997—1999 гг.). В мае 1991 г. президент Гулам Исхак Хан попытался провести законопроект об объявлении Корана и сунны верховным законом Пакистана. В первом параграфе этого законопроекта

Десятилетний «демократический просвет» между военными режимами Мухаммада Зия-ул-Хака и Первеза Мушаррафа не означал пересмотра религиозной политики первого из этих режимов.

было сказано, что «ничто, содержащееся в этом законе, не должно наносить вред персональному праву, религиозным свободам, обычаям и образу жизни немусульман»³¹. Как и в случае правовых мер, предпринятых при М. Зия-ул-Хаке, целью этого законопроекта было исправление нравственности пакистанского общества и искоренение таких явлений, как насилие, преступность и коррупция. Будучи одобрен Сенатом, законопроект не набрал необходимого количества голосов в Национальной ассамблее. В августе 1998 г. была предпринята попытка принять 15-ю поправку к Конституции, согласно которой основным законом Пакистана должны были стать Коран и сунна, а не Конституция. На этот раз

В Пакистане традиционные мусульманские нормы распространяются на членов других религиозных общин, что обуславливается исламским характером государственности.

Национальная ассамблея одобрила 15-ю поправку, а Сенат — нет³². Кроме того, правительство Наваза Шарифа в 1992 г. попыталось ввести обязательное обозначение религиозной принадлежности в форму удостоверения личности, необходимого для посещения учебных заведений, открытия банковского счета,

голосования, получения паспорта. Представители религиозных меньшинств и некоторых групп мусульман, проводя совместные акции протеста, добились отмены этого постановления³³.

Основными идеологическими формами проявления приоритета ислама стали мусульманский национализм, исламский социализм и пакистанская государственная идеология, а также различные радикальные формы исламской идеологии.

Попытка пересмотра политики исламизации общества была предпринята после военного переворота, осуществленного в 1999 г. Первезом Мушаррафом, начальником Объединенного комитета штабов армии и штаба сухопутных войск. В результате этого пересмотра Пакистан должен был стать «демократическим исламским государством»³⁴. Этой задаче соответствовала отмена религиозно-куриальной системы Указом о проведении всеобщих выборов 2002 г. при сохранении резервирования мест за религиозными меньшинствами включая общину ахмадия³⁵.

Пример пересмотра введенной при М. Зия-ул-Хаке шариатской системы наказаний за преступления, связанные с воровством, половыми отношениями, распитием алкогольных напитков и азартными играми, показывает, что политика властей носила ограниченный и противоречивый характер. При М. Зия-ул-Хаке из сферы гражданского правосудия были выделены дела, связанные с нарушениями морали и нравственности. Все они были переданы в ведение мусульманских судей. Были установлены традиционные наказания за эти преступления — отсечение конечностей за воровство, публичное побивание камнями

до смерти за супружескую измену и т. д. Правительство П. Мушаррафа решило отменить эти законы. Подготовленный законопроект «О защите женщин» отменял исламские наказания в отношении женщин. Согласно этому законопроекту супружеская измена вообще выводилась из сферы правового регулирования, изнасилование же переводилось из «шариатского» права в обычное уголовное, что полностью меняло весь процесс разбирательства и ответственность за это преступление. В результате пострадавшей уже не нужно было приводить четырех мужчин — свидетелей преступления (без чего она сама могла быть обвинена в незаконной половой связи, за которую согласно шариату грозит смертная казнь). Количество свидетелей определялось обычными процессуальными нормами.

По мысли авторов ограниченный характер законопроекта не должен был вызвать серьезного недовольства у исламских партий. Однако его обсуждение в Парламенте показало, что власти преступили границы дозволенного. Авторы законопроекта были вынуждены согласиться на его передачу комиссии богословов, которая признала приоритет традиционных норм перед уголовным правом и постановила рассматривать изнасилование с точки зрения как шариата, так и уголовного права. В таком виде закон был принят 1 декабря 2006 г.

Рассматривая мусульманские традиционные нормы, необходимо учитывать, что согласно им могут быть осуждены и немусульмане, если они являются соучастниками преступления (степень наказания варьируется в зависимости от религиозной принадлежности преступника). Это означает, что в Пакистане традиционные мусуль-

манские нормы распространяются на членов других религиозных общин, что обуславливается исламским характером государственности. При этом для Пакистана остается актуальным разделение религиозных общин на мусульман и остальных. Об этой особенности пакистанской политико-правовой системы свидетельствует принятие 22 января 2008 г. Закона о сикхских браках, регулирующего вопросы брака, развода, наследования в общине сикхов³⁶.

Процесс трансформации исламской республики в исламское государство, описанный Л. Зирингом, не был завершен. Это объясняет наличие ряда политико-правовых противоречий современного Пакистана, описанных выше. После периода парламентской демократии развитие пакистанской государственности могло поменять вектор за счет снижения роли идеологии и повышения функциональности институтов государства. Таким образом, на смену идеологическому государству могло прийти государство функциональное³⁷. Однако уход П. Мушаррафа с поста президента и перестановка сил во власти в 2008 г. ограничили этот процесс. Поскольку наибольшее влияние на ситуацию в стране сейчас оказывают политики, игравшие важную роль в период парламентской демократии, можно предположить, что в их деятельности может снова возрасти роль исламской идеологии. Для меньшинств это может означать, во-первых, сохранение границ между религиозными общинами в общественно-политической жизни и, во-вторых, распространение на них традиционных норм ислама.

Первым подтверждением справедливости этих предположений стало соглашение, заключенное 16 февраля 2009 г. правительством Северо-Западной по-

граничной провинции и экстремистской группировкой «Техрик-е-Нифаз-е-Шариат-е-Мохаммади» («Движение за введение шариата»), контролирующей район Малаканд в этой провинции. По данному соглашению в этом районе все судебные дела были переданы в ведение шариатских судов³⁸. Предыдущие попытки ввести шариат в Северо-Западной пограничной провинции были предприняты членами провинциального Законодательного собрания в 2002 и 2006 гг. Принятые в обоих случаях варианты закона тут же признавались Верховным судом Пакистана неконституционными (причем петицию в первом случае подал президент П. Мушарраф). Однако в современных условиях указанное соглашение воспринимается некоторыми представителями власти как прецедент, применимый ко всему Пакистану. Так, министр туризма Атаур-Рахман, представляющий партию «Джамаат-е-улама-е-Ислам» («Общество мусульманских богословов»), приветствовал «Малакандское соглашение», отметив, что оно открывает путь введению шариата во всем Пакистане³⁹. Следующим шагом в этом направлении стало Распоряжение о правосудии, подписанное президентом Асифом Али

Часто роль ислама затеняет другой не менее, а может быть, и более важный фактор — «осязаемый» характер пакистанской элиты, в которой заметное место занимают потомственные землевладельцы, лидеры племенных кланов, религиозных орденов.

Зардари 14 апреля 2009 г. (предварительно он послал его на одобрение в Национальную ассамблею, чтобы продемонстрировать мировому сообществу его легитимность). Согласно этому акту

в ряде областей Северо-Западной пограничной провинции включая Малаканд и Сват были созданы шариатские суды, куда переданы все судебные дела. Законы, противоречащие Корану и сунне, перестали действовать на этой территории после вступления данного документа в силу⁴⁰.

Вне общепринятых схем

История Пакистана свидетельствует о том, что приоритет ислама может сочетаться как с демократическим устройством государства, так и с режимом авторитаризма. Основными идеологическими формами проявления приоритета ислама стали мусульманский национализм, исламский социализм и пакистанская идеология⁴¹, а также различные радикальные формы исламской идеологии. Разные сочетания этих форм с политическими режимами породили такие пограничные явления, как нелиберальная демократия в 1988—1999 гг. и либеральный автори-

тонациональные движения белуджей, пуштунов, синдхов, которые снова обостряют проблему целостности страны, как это было в 1960—1970-х годах с бенгальским движением в Восточном Пакистане. Кроме того, действия властей в этом направлении будут восприняты исламистскими партиями как прекрасный повод для мобилизации массовой поддержки под лозунгами «Ислам в опасности!» и «Пакистан в опасности!». Хотя за всю историю Пакистана этим партиям ни разу не удалось набрать на выборах больше 11% голосов⁴³, такое развитие событий может открыть им дорогу к власти. Все это свидетельствует о непредсказуемых последствиях опытов с исламом в этой стране.

Возможно, проблемы неразвитости демократических институтов, распространности терроризма и экстремизма должны решаться комплексно: политически, экономически, социально. Относительно последнего надо сказать, что часто роль ислама затеняет другой не менее, а может быть, и более важный фактор: «осязаемый» характер пакистанской элиты, в которой заметное место занимают потомственные землевладельцы, лидеры племенных кланов, религиозных орденов и т. п.⁴⁴ Так, нынешний президент Пакистана Асиф Али Зардари — сын Хакима Али Зардари, крупного землевладельца в провинции Синд, главы племенного клана Зардари, а премьер-министр Юсаф Раза Гиллани — потомок шейха Абдула Кадира Гилани, основателя суфийского религиозного ордена Кадирийя. Возможно ли превратить Пакистан в функциональное государство при сохранении такого характера элиты — вопрос, не имеющий однозначного ответа.

Перефразируя Роберта Гейтса, можно сказать, что проблемы Пакистана невозможно решить без решения проблем в Афганистане.

таризм в 1999—2007 гг.⁴², которые невозможно однозначно оценить с точки зрения их соответствия принципам демократии. Так же трудно вписать современный этап развития Пакистана, начавшийся в 2008 г. с ухода П. Мушаррафа, в общепринятые политологические схемы.

Это означает, что решения пакистанских проблем, построенные на основе этих схем, вряд ли будут эффективными. Так, снижение роли ислама в различных сферах общественно-политической жизни страны, в частности, в образовании, не выглядит как безупречное решение, поскольку в этом случае проявятся эт-

Немаловажным фактором является внешняя среда. Перефразируя Роберта Гейтса, можно сказать, что проблемы Пакистана невозможно решить без решения проблем в Афганистане. Будучи с 1979 г. по настоящее время прифронтовым государством, Пакистан в полной мере испытал все негативные последствия этого включая потоки беженцев, среди которых, кстати, распространены радикальные взгляды. Рост напряженности с восточным соседом, Индией, также служит благоприятной почвой для распространения экстремизма. В этой связи кажется закономерным, что бывший президент П. Мушарраф сочетал внутреннюю политику по приданию государственной исламской идеологии умеренного характера с внешней политикой нормализации отношений с Индией. Напротив, «демократический просвет» 1988—1999 гг. сочетал попытки исламизации пакистанского общества с обострением отношений с Индией.

Учитывая исторический опыт Пакистана и заинтересованность России, США и других держав в том, чтобы это государство сохраняло целостность, было стабильным, безопасным и предсказуемым, представляются актуальными следующие подходы к Пакистану:

- Необходимо признать, что приоритет ислама — данность политико-правовой системы страны. Межконфессиональная конфликтность и дискриминация иноверцев — исключительные явления общественно-политической практики, но не характерные признаки пакистанской политико-правовой системы.
- Завершение процесса превращения Пакистана в исламское государство будет означать окончательную институционализацию религиозных раз-

личий, обеспечение высокого уровня конфликтности между религиозными общинами включая суннитов и шиитов, превращение дискриминации на религиозной основе в инструмент политики государства. Все это чревато дестабилизацией внутренней ситуации в стране. Поэтому такое развитие Пакистана нежелательно. Но и отказ от ислама как основы национальной идентичности представляется не только неосуществимым, но и опасным, поскольку он неминуемо приведет к активизации сепаратистских движений среди белуджей, синдхов и пуштунов. Таким образом, была бы желательна политика «золотой середины», не позволяющая политико-правовой системе ни дальше исламизироваться, ни, напротив, секуляризироваться.

- Исламизация в отдельно взятых районах Пакистана, в частности, в Северо-Западной пограничной провинции, может иметь положительный краткосрочный результат, создав определенный порядок в конфликтных зонах. Но в долгосрочной перспективе такие шаги могут привести к негативным последствиям. Во-первых, вместо политической и социально-экономической интеграции этих зон в Пакистан, к чему много лет призывают эксперты, создается еще одна граница между ними и остальным Пакистаном — правовая. Во-вторых, послабления экстремистским группировкам только укрепляют их позиции. Добившись уступок в одной части Пакистана, они начинают требовать от властей того же и на остальной территории. Вряд ли можно раз и навсегда удовлетворить их непомерные аппетиты.
- Затягивание или провал операций Международных сил содействия без-

опасности в Афганистане будет способствовать усилению проталибских сил в Пакистане (этот процесс иногда называют «талибанизацией»). И наоборот, успешное решение четко определенных задач в Афганистане и стабилизация ситуации в этом государстве предотвратили бы исламизацию и «талибанизацию» Пакистана. Точно так же к положительному результату привели бы усилия Индии и Пакистана, России и других стран, мирового сообщества по разрешению противоречий между Индией и Пакистаном. Обострение этих противоречий, как показывает история, способствует популярности экстремистских взглядов в обоих государствах.

- Очевидно, необходимо избегать оценок политических режимов в Пакистане исходя из представлений, распространенных в других странах, и тем более попыток трансформировать эти режимы, исходя из таких представлений или интересов внешних сил. На нынешнем этапе внимание к Пакистану во многом вызвано проблемами Афганистана. Благодаря этому значительно возросла финансовая, военно-техническая и иная помощь Пакистану со стороны других стран и международных организаций. Однако ее эффективность у многих экспертов вызывает сомнения, поскольку краткосрочные слабо контролируемые программы помощи не могут в одночасье привести к решению проблем, обусловленных предысторией и историей Пакистана. Планирование и осуществление программ помощи должны соответствовать трем критериям: быть долгосрочными (соответственно не зависящими от характера политического режима в Пакистане или си-

туации в Афганистане или других обстоятельствах, привлекающих внимание к Пакистану), на всех этапах строго контролируемые, адресными (т. е. ориентированными на конкретный институт, категорию граждан, район и т. д.). ■

Автор выражает глубокую благодарность профессору В. Н. Москаленко за ценные замечания, оказавшие большую помощь при доработке брифинга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ali Khan L.* Pakistan — The Heart of Asia: Speeches in the United States and Canada, May and June 1950 — by the Prime Minister of Pakistan. — Cambridge, 1950.

² США: Победа в Афганистане невозможна без вторжения в Пакистан // РосБизнесКонсалтинг. — 2008. — 23 сент. (<http://top.rbc.ru/politics/23/09/2008/247597.shtml>).

³ Needed: A Comprehensive U.S. Policy Towards Pakistan: A Report by the Atlantic Council. — Washington, 2009. — P. 10; Pakistan: The Militant Jihadi Challenge // Asia Report [Brussels; Islamabad]. — 2009. — 13 March. — № 164. — P. 12.

⁴ On His Election as the First President of the Constituent Assembly of Pakistan: Presidential Address to the Constituent Assembly of Pakistan on August 11, 1947 // Quaid-i-Azam Mahomed Ali Jinnah: Speeches as Governor-General of Pakistan, 1947—1948. — Karachi, 1962. — P. 9.

⁵ *Binder L.* Religion and Politics in Pakistan. — Berkeley; Los Angeles, 1963. — P. 142—143.

⁶ Pakistan, The Commonwealth And The Future (Canadian Houses of Parliament, May 31, 1950) // *Ali Khan L.* Op. cit. — P. 119—120.

⁷ *Adams A. J.* The Ideology of Mawlana Mawdudi // South Asian Politics and Religion / Ed. by D. E. Smith. — Princeton, 1966. — P. 392.

⁸ Resignation letter of Jogendra Nath Mandal // Wikisource: Speeches. — Boston, 2002. — P. 12 (http://en.wikisource.org/wiki/Resignation_letter_of_Jogendra_Nath_Mandal).

⁹ *Плешов О. В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. — М., 2003. — С. 65.

¹⁰ *Москаленко В. Н.* Пакистан: Политический ислам или ислам в политике? // Ислам и общественное развитие в начале XX века / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин, Н. Ю. Ульянов. — М., 2005. — С. 391.

¹¹ *Lambert R. D.* Factors in Bengali Regionalism in Pakistan // Far Eastern Survey. — 1959. — Apr. — Vol. 28. — № 4. — P. 56; *Talbot I.* Pakistan: A Modern History. — London, 2005. — P. 133—134.

¹² Об общине ахмадия см.: *Антонова К. А.* Об учении и легендах мусульманской секты ахмадий // Религия и общественная мысль народов Востока / Отв. ред. Б. Г. Гафуров. — М., 1971. — С. 103—116; *Гордон-Полонская Л. П.* Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. — М., 1963. — С. 153—160, 270—273.

¹³ *James M.* Pakistan Chronicle. — Karachi, 1993. — P. 14.

¹⁴ Report of the Court of Inquiry Constituted Under Punjab Act II of 1954 to Inquire into the Punjab Disturbance of 1953. — Lahore, 1954. — P. 257.

¹⁵ *Choudhury G. W.* Constitution-Making Dilemmas in Pakistan // The Western Political Quart. — 1955. — Dec. — Vol. 8. — № 4. — P. 591.

¹⁶ Цит. по: *Шерковина Р. И.* Политические партии и политическая борьба в Пакистане (60—70-е гг.). — М., 1983. — С. 13.

¹⁷ *Talbot I.* Op. cit. — P. 158.

¹⁸ *Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н.* История Пакистана. XX век. — М., 2008. — С. 215.

¹⁹ Одной из причин этого было резкое сокращение индусской общины в Пакистане в результате образования Бангладеш.

²⁰ Pakistan Times [Lahore]. — 1972. — Apr. 13 (цит. по: *Шерковина Р. И.* Указ. соч. — С. 181).

²¹ *Ziring L.* From Islamic Republic to Islamic State in Pakistan // Asian Survey. — 1984. — Sept. — Vol. 24. — № 9. — P. 938—941.

²² См. мнение Первеза Мушаррафа: «Президент Зия в 1980-е годы завершил то, что начал Бхутто на последнем этапе своего правления — полное удовлетворение религиозного лобби» (*Musharraf P.* In the Line of Fire: A Memoire. — London, 2006. — P. 67).

²³ *Ahmad M.* Revivalism, Islamization, Sectarianism and Violence in Pakistan // Pakistan: 1997 / Ed. by C. Baxter, C. H. Kennedy. — Oxford, 1998. — P. 103—105.

²⁴ Эта особенность характерна не только для Пакистана, но и для других мусульманских стран, в частности, для Саудовской Аравии, Судана и т. д. (*Беккин Р. И.* Мусульманское право как

Фонд Карнеги за Международный Мир со штаб-квартирой в Вашингтоне, США, является неправительственной, некоммерческой организацией, занимающейся независимыми исследованиями в общественно-политической области и содействующей международному сотрудничеству между странами. Московский Центр Карнеги был создан Фондом в 1993 г. с целью способствовать развитию в России и странах бывшего Советского Союза независимых общественно-политических исследований и улучшению отношений между Россией и Соединенными Штатами.

В 2007 г. было объявлено о «Новом видении» (New Vision) Фонда, который теперь позиционирует себя в качестве первой международной, а в перспективе глобальной научно-исследовательской организации. Помимо офисов в Вашингтоне и Москве созданы отделения Фонда в Пекине, Бейруте, Брюсселе. Московский Центр Карнеги с его почти пятнадцатилетним опытом проведения исследований и общественно-политических дискуссий служил образцом при разработке «Нового видения» и является моделью при преобразовании Фонда Карнеги в первую международную научно-исследовательскую организацию.

отражение политико-правовой культуры мусульманского мира // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. — М., 2006. — С. 200).

²⁵ Цит. по: *Haqqani H.* Pakistan: Between Mosque and Military. — Washington, 2005. — P. 135.

²⁶ Цит. по: *Talbot I.* Op. cit. — P. 282.

²⁷ *Rais R. B.* Islamic Radicalism and Minorities in Pakistan // Religious Radicalism and Security in South Asia / Ed. by S. P. Limaye, R. G. Wirsing, M. Malik. — Honolulu, 2004. — P. 459.

²⁸ Curbs on Activities of Ahmadis Sought // Karachi News. — 2000. — Aug. 27.

²⁹ *Nasr V. R.* International Politics, Domestic Imperatives, and Identity Mobilization: Sectarianism in Pakistan, 1979—1998 // Comparative Politics. — 2000. — Jan. — Vol. 32. — № 2. — P. 171.

³⁰ Выражение профессора В. Н. Москаленко (*Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н.* Указ. соч. — С. 348).

³¹ Shariat Bill // Pakistan & Gulf Economist. — 1991. — May 25—31. — P. 21.

³² *Плеиов О. В.* Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. — М., 2003. — С. 205, 209.

³³ Pakistan: Non-Muslim Minorities. April, 1994 / Library of Congress Country Studies // [http://lcweb2.loc.gov/cgi-bin/query/r?frd/cstdy:@field\(DOCID+pk0061\)](http://lcweb2.loc.gov/cgi-bin/query/r?frd/cstdy:@field(DOCID+pk0061)).

³⁴ Первез Мушарраф: я никогда не говорил о превращении Пакистана в светское государство // Коммерсантъ. — 2003. — 9 сент. (<http://www.kommersant.ru/doc-rss.aspx?DocsID=409818>).

³⁵ *Москаленко В. Н., Топычканов П. В.* Исламская республика Пакистан: Эволюция избирательной системы // Журн. о выборах. — 2006. — № 3. — С. 20—21.

³⁶ Cabinet okays ordinance to free bourses from brokers' sway // Daily Times. — 2008. — 23 Jan.

³⁷ *Haqqani H.* Op. cit. — P. 329.

³⁸ Pakistan: The Militant Jihadi Challenge... — P. 2.

³⁹ Democracy Day marks end to dictatorship, beginning to democracy; Maulana Atta // Associated Press of Pakistan. — 2009. — Feb. 18 (http://www.app.com.pk/en_/index2.php?option=com_content&do_pdf=1&cid=68437).

⁴⁰ Text of the Nizam-e-Adl Regulation 2009 // Daily Times. — 2009. — 15 Apr.

⁴¹ *Белокреницкий В. Я.* Политическая система и политическая культура мусульманских стран Южной Азии // Политические системы... — С. 450.

⁴² *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М., 2004. — С. 101.

⁴³ *Москаленко В. Н.* Указ. соч. — С. 392.

⁴⁴ *Белокреницкий В. Я.* Персоналистский авторитаризм в Пакистане (к вопросу о политической культуре и режиме власти в восточном варианте) // Восток (Oriens). — 2005. — № 6. — С. 86 (Примеч. 8).

В брифинге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2009

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ
CARNEGIE ENDOWMENT

FOR INTERNATIONAL PEACE

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904
Факс: +7 (495) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>